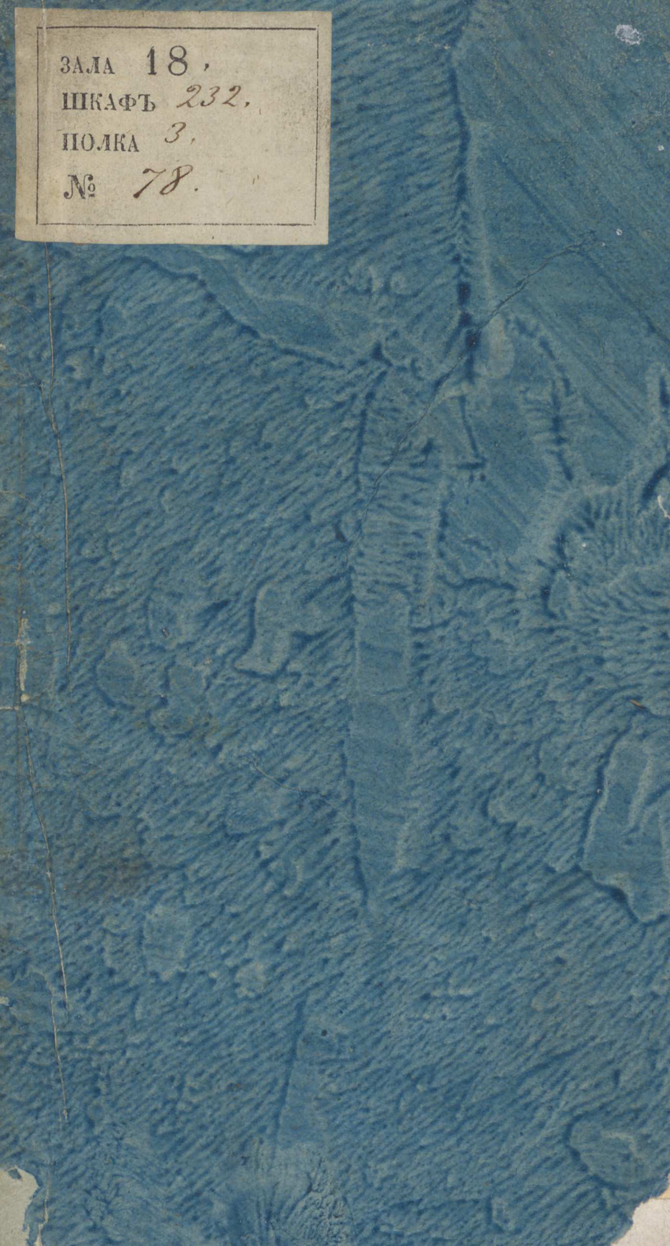

ЗАЛА 18,
ШКАФЪ 232,
ПОЛКА 3,
№ 78.

СИЛЬВІЯ,

ИЛИ

ПРЕКРАСНАЯ ПОВѢСТЬ.

. . *Scribere juſſit amor*. . .

Ovid.

Любовь повелѣла начертать.

Овид.

ВЪ МОСКВѢ,

въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1781 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Сильвія, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

СИЛЬВІЯ.

Часть перпая.

Птицы еще не воспѣвали своихъ удовольствій, смертные не начинали жаловаться на свои заботы, ничто еще не возвѣщало восхожденія Авроры, всѣ тогда покоились, не выключая и злощастныхъ любовниковъ, какъ въ малой Аркадской деревнѣ пастушка Сильвія проснулась. Амуры пробудились съ нею: она была всѣхъ прекраснѣе въ сей щастливой землѣ; но упражняясь въ ловлѣ птицъ сѣтьми, мало безпокоилась о узахъ, которые она другимъ налагала: она презирала прелести, щедро

природою и любовію на нее изліянныя, въ наказаніе своимъ подругамъ, и къ нещастію молодыхъ пастуховъ. Она ихъ уязвляла, не стараясь нравится, и наполнила Аркадію любовниками и нещастными.

Подругъ ея первое стараніе было привесть въ порядокъ свои красы, пріуготовленныя уже спокойнымъ сномъ. Сильвія беретъ копьецо, принимаетъ лукъ свой и стрѣлы: выходитъ, и Граціи, которыхъ она не призывала, стѣсняясь летаютъ около ее. Она идетъ къ Дафнѣ, своей подругѣ. Сія Нимфа, которой младость давно уже протекла, вкушала пріятности покоя. Сны, ее окружающіе, представляли ей радостные виды утѣхъ, которыхъ она больше не имѣла, но воспоминовеніе которыхъ еще прельщало ее. Сильвія разгоняетъ слабыя сіи привидѣнія; а Дафна, видящая удаленіе единаго своего блага, которое ей только и осталось, тщетно призывала исчезающіе сны.

Она

Она узнала Сильвію по ея нетерпѣливости и упрекамъ. Какая лѣность! говоритъ ей сія Нимфа, симъ то образомъ пріуготовляешся праздновать торжество Діаны? Скоро начнется ловля, и часъ итти въ назначенное мѣсто, уже приближился. Я буду ожидать тебя у фонтана Богини: по сихъ словахъ скрылась она отъ глазъ ея.

Дафна, не доумѣвающаяся и готовая вторично заснуть, вспомнила, что Аминтъ долженъ былъ къ ней притти совѣта требовать. Сіе воображеніе возбуждаетъ ее; она торопится, и употребляетъ толикоже искусства закрыть свои недостатки, колико старалась нѣкогда показать во всемъ блистаніи свои прелести, уничтоженныя временемъ.

Между тѣмъ, какъ сгарающій любовію къ нечувствительной Сильвіи Аминтъ, шелъ просить помощи у Дафны, Купидонъ приготовлялся

побѣдить жестокость возмущающей сердца Нимфы. Сей Богъ быстрымъ своимъ полетомъ предваривши Аминта, явился Дафнѣ. Пастушка думала, что сонъ ее обманываетъ; но это не сонъ былъ, и она дѣйствительно видитъ у себя непостояннаго, объ удаленіи котораго толико пролила слезъ, почитая оное вѣчнымъ; въ сію минуту Дафна щитаетъ себя щасливою, видя его возвращеніе, и толико ослѣпляется, что почитаетъ оное искреннимъ. Она видно не знала, что время и любовь никогда не возвращаются.

Пастушка, сказалъ ей Богъ, узнала ли ты меня? такъ, я увѣренъ, что ты еще не забыла моего усердія, моихъ стараній и моихъ услугъ. Ты вѣдаешь, что я никогда не противился поражать тѣхъ, надъ которыми ты дѣлала приговоръ. Но увы! я бы еще былъ занятъ симъ пріятнымъ упражненіемъ, ежелибъ жестокой мой непріятель, ежели бы

время меня отъ тебя не удалило; но хотя оно и принудило меня бѣжать отъ тебя, однако не можетъ препятствовать воспоминать съ удовольствіемъ тѣхъ щастливыхъ минутъ, которыми я у тебя наслаждался. Съ симъ любезнымъ воспоминаніемъ ношу вѣчное прискорбіе; и зная нѣжное и чувствительное твое сердце, не сомнѣваюсь о твоей благодарности. Есть средство заплатить за оказанныя мною тебѣ услуги. Думала ли ты когда нибудь, что ты можешь заплатить одолженія любви?

Сильвія произведши въ сердцѣ Аминтовомъ жаръ, не хочетъ онаго раздѣлять съ нимъ. Сей пастухъ проситъ твоей помощи. Дафна, если ты научилась отъ меня ободрять робкихъ пастуховъ; удерживать стремленіе тѣхъ, которымъ бы смѣлость была пагубна; если ты знаешь чрезъ мои старанія содержать по своей волѣ любовниковъ, готовыхъ разорвать свои цѣпи; привлекать презрѣніемъ

 тѣхъ,

тѣхъ, которыхъ не трогаютъ ласки; сжалься, удостой, будь вождемъ Аминту, научи его. . .

Дафна не возмогши скрыть болѣе своего негодованія, бросила свирѣпой взглядъ на Купидона и ушла. Богъ усмѣхнулся сему, и презирая безполезной гнѣвъ, принялъ образъ сей пастушки и ожидалъ, какъ Аминтъ прійдетъ, открыть ей свои мученія, кои уже ему были извѣстны; потому что онъ самъ былъ имъ виновникъ.

Аминтъ приходитъ и по внушенію своей любви раскaзываетъ ему свою робость и жестокость Сильвіи. Чтожъ? вить не чрезъ вздохи, (сказала ему мнимая Дафна) и не чрезъ слезы ты можешь получить отраду своему мученію. Робкій и печальный любовникъ рѣдко трогаетъ сердца, но груститъ почти всегда, любовь мнѣ внушаетъ самое вѣрное средство: щастіе твое теперь зависитъ отъ тебя, но только пользуйся временемъ;

немЪ ; оно дорого: Сильвія пошла кЪ водомету Діаны, и теперь одна. . . . . Ну чтожь, сказалЪ АминтЪ? . . . . ЧегожЪ еще тебѣ больше желать, прервалЪ БогЪ? Ступай, лети кЪ водомету, поспѣшай кЪ Сильвіи.

Но ты не долженЪ смущаться отЪ первыхЪ ея движеній. Она будетЪ казаться раздраженною; но чтобЪ любовь твоя тебя извинила, ожидай на колѣнахЪ, чтобЪ стремленіе ея прошло и гнѣвЪ ея утишился. Тогда говори, что ты чувствуешь; изобрази ей смѣло свое благополучіе, чтобы утѣхи, которыми ты будешь сЪ нею наслаждаться, возбудили ея желанія, проливай слезы; но чтобЪ онѣ происходили отЪ нѣжности, а не отЪ изъявленія печали и боязни. Не проси у нея прощенія, опасаясь вновь ее огорчить. Новой проступокЪ вЪ такомЪ случаѣ заглаждаетЪ понятіе о первомЪ; а третій совершитЪ твое щастіе. . . .

Надежда, и скорыя къ повиновенію младаго Бога желанія летали тогда въ сердцѣ Аминта. Онъ съ трудомъ благодаритъ Дафну, и будучи преисполненъ снѣдающаго огня, направилъ свои стопы къ водомету.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни возвышалась роща, произведенная одною природою. Тутъ было безопасное убѣжище, гдѣ скромные любовники наслаждались щастіемъ, умножаемымъ чрезъ таинство. Тутъ было уединенное мѣсто, гдѣ пораженные любовію скрывали свои мученія, не смѣя ихъ открыть тѣмъ, которые имъ причинили, Посреди сей рощи взвивался водометъ, посвященный Діанѣ; приходили къ нему чрезъ сто разныхъ дорогъ; но влюбленной пастухъ избираетъ кратчайшую изъ всѣхъ, дабы соединиться съ своею пастушкою: какъ я опасаюсь, говорилъ Аминтъ, чтобъ Сильвія не ушла отъ фонтана; такъ,

я

я не столь нещастливъ, чтобы могъ тамъ ее найти. . . . . Ахъ если я ее тамъ застану! . . . Дафна, меня увѣряла, что она одна. . . . Я не чувствую ужъ больше той робости, которая безъ сомнѣнія была причиною ея жестокости, каковыхъ бы она въ противномъ случаѣ не имѣла. . . Но какъ я могу то получить, чего никогда у нее не просилъ? . . . Я всегда предъ нею дрожалъ, какое ослѣпленіе! . . . . развѣ преступленіе любить? . . . Чего бояться молодой и робкой пастушки? . . . . Нѣтъ, нѣтъ, робость была причиною всѣхъ моихъ злополучій: весь мой страхъ теперь изчезъ. Сильвія, я ей изьясню. . . . Въ сію минуту онъ ее увидѣлъ. . . . Боги! Не примѣтила ли она меня! Сказавъ сіе, скрывается онъ немедленно, и пропускаетъ минуты, въ которыя любовь опредѣлила ему узнать цѣну его мученій: всѣ его намѣренія ограничиваются въ томъ, чтобы удивляться и молчать.

Силь-

Сильвія ни мало не воображала, чтобы подлѣ нее находился любовникъ, старающійся толико скрыть себя. Она сидѣла въ то время на дернѣ, окружающемъ водометъ; сорванные ею цвѣты лежали около ее; водометъ служилъ ей зеркаломъ, въ которой глядяся, завязывала она развѣвающіеся по плечамъ кудрявые свои волосы; и хотя Сильвія никакого не имѣла намѣренія, однако радовалась прелестному украшенію своей головы. Посовѣтовавъ съ Наядою о уборѣ своемъ, покрывала, выбрала самые лучшіе цвѣты, и приткнула ихъ къ волосамъ и къ груди. По семъ смотря на нихъ, улыбалася. Казалось, что прелести ея превосходили красоту разцвѣтающихъ Лилей.

Ахъ! сказалъ Аминтъ, она себя украшаетъ, она ищетъ нравиться. Какъ, сія жестокая Сильвія умѣетъ разбирать цвѣты, и украшать свою ими голову. Увы! Коль я нещастливъ! Она безъ сомнѣнія лю-

любитЪ; однако старанія сіи не до меня простираются, ибо не благодарная меня убѣгаетЪ. Но АминтЪ не зналЪ, что желаніе нравиться самому себѣ, раждается вЪ сердцѣ молодой пастушки прежде всѣхЪ желаній.

Ревность овладѣла Аминтом Ъ; и сія новая страсть не меньше вредная его предпріятіямЪ, какЪ и робость: тщетно наполнила его всей той смѣлостію, которую ему любовь внушала. ОнЪ хотѣлЪ было показаться Сильвіи, чтобЪ представить ей несправедливость и жестокость ея; но случай, котораго онЪ не старался удержать, распросперЪ уже свои крылья. Тщетно КупидонЪ силился его удержать. Дафна приходитЪ, и присутствіе ея принудило его скрыться, подобно слабому сну, которой кромѣ безполезнаго воспоминовенія ничего по себѣ не оставляетЪ.

АминтЪ пришедЪ самЪ вЪ себя, увидѣлЪ, что восхищающая его прелесть

лесть исчезла, и узналъ къ пріумноженію своей горести, что не возможно было ему оставить сію робость, которая была причиною всѣхъ его нещастій. Онъ упрекалъ свою слабость, сожалѣлъ о удаляющемся случаѣ; а между тѣмъ малое время, которое ему еще осталось, протекло. Пастушка вставши скрылась отъ глазъ его: и вскорѣ пришли къ мѣсту, гдѣ было назначено для ловли общее собраніе. Одинъ изъ присутствующихъ тамо пастуховъ жаловался на невѣрность пастушки, которою прежде онъ нѣжно былъ любимъ; она была тутъ въ собраніи, и лице ея показывало, что она не безъ досады слушала таковыя упреки. Пастухъ примѣтя ее въ такомъ состояніи, и желая пользоваться благопріятною минутою, внимайте говорилъ, дрожите, узнавъ жребій невѣрной любовницы.

Лидія Княжна Елидская, была воспитана въ чертогахъ сооруженныхъ

ныхъ на брегу морскомъ. Одинъ изъ Геніевъ, которымъ поручено охраненіе водъ, увидя ее нѣкогда, страстно въ нее влюбился, и всѣми мѣрами желалъ овладѣть ею. Занятъ будучи сими мыслями, сдѣлалъ на морѣ необыкновенную тишину, и только зефирамъ позволялъ возмущать онаго спокойствіе. Сіи тихіе вѣтры играя по волѣ его, принуждали забывать бѣдствія, которыя встрѣчаются отдающимся во власть толь обманчивой стихіи.

Лидія, побуждаемая неизвѣстною силою, пошла прогуляться на берегъ морской. Волны къ ней прибили нѣкоторое малое судно. Княжна устремившись къ новому сему предмету, вошла въ судно и начала перебирать веслы. Вода, которую она волновала, удаляла ее нечувствительно отъ берега. Между тѣмъ Зефиры, дабы услужить влюбленному Генію, расправили парусъ; она принуждена была уступить ихъ порывчивости, и

судно имЪ должно было повиноваться. Лидія, обманутая раскаивалась, что имЪ неразумно ввЂрилась, но уже поздо. ВЪ скоромЪ времени вЂтрЪ умножается, волны востаютЪ, Княжна устрашенная, кличетЪ своихЪ подругЪ; но ужЪ болЂе ея не слышно было: судно бросаемое вЂтрами, удаляется сЪ великою скоростію, вертится и погрязаетЪ вЪ водахЪ.

СафирЪ, смущенный и встревоженный, летитЪ на помощь кЪ Лидіи; хватаетЪ ее вЪ свои объятія и входитЪ сЪ симЪ драгоцЂннымЪ бременемЪ вЪ чертоги. Лидія, освобожденная отЪ наглой смерти, чувствовала Геніево покровительство; а СафирЪ открылЪ ей свои чувствованія сЪ толикимЪ восторгомЪ, что младая Княжна была оными тронута. Геній принялЪ за любовь то, что было, только благодарность, и ужЪ почиталЪ себя любимымЪ. Сколь легко мы полагаемся на то, чего желаемЪ страстно!

ОслЂ-

Ослѣпленный любовію и влекомый желаніями Сафиръ радовлся, думая, что вдохнулъ въ нее столь же сильную страсть, какую онъ и самъ чувствовалъ. Страсть его умножилась, а благодарность Лидіи уменьшилась. Сіе чувствованіе хотя и можетъ занять нѣкоторое мѣсто въ сердцѣ; однако едина любовь можетъ всѣмъ имъ обладать. Младая Княжна вскорѣ примѣтила, что сердце ея было къ нему нечувствительно, и что утѣхи ни мало не могли возвратить ея живости; но Геній не желалъ властвовать, какъ только для нее, всѣ ея желанія были препровождаемы его могуществомъ, такъ что ничего болѣе ей не осталось желать: отъ чего скука вселясь въ нее, разлила уныніе по всей ея душѣ; а притворство, налагаемое на нее благодарностію, учинило Сафира стенящимъ и недовольнымъ своимъ бытіемъ.

Нѣкогда взошла она на балконъ своихъ чертоговъ, и услышала оттуда

туда глухой шумЪ, которой происходилЪ отЪ сильной на морѣ бури: Лидія обратила туда свой взорЪ. Между остатками разбитаго корабля молодой человѣкЪ, борющійся сЪ волнами, привлекЪ ея вниманіе и сожалѣніе. Она забывЪ сама себя, дѣлала моленія о семЪ нещастномЪ; но вѣтры и море не чувствуя ничего, удаляли его отЪ берега, кЪ которому онЪ силился приплыть. Лидія смятенная и влекомая, побѣжала просить Генія, дабы онЪ помогЪ нещастному, которой уже погибалЪ.

Слѣпая любовь ни вЪ чемЪ не отказываетЪ. СафирЪ приказалЪ, какЪ можно скорѣе итти на помощь младому Олинду, коего какЪ скоро ввели вЪ чертоги, то Лидія почувствовала вЪ себѣ отраду грусти и унынія.

Удивленіе, вЪ которомЪ находился ОлиндЪ, видя себя принесенна вЪ чертоги Геніевы, уступило немѣд-

медленно мѣсто другому, которое въ немъ произвели прелести Лидіи. Онъ, почитая ее за Θетису, палъ къ ея стопамъ, дабы принести ей чувствительнѣйшую благодарность; но Принцесса примѣтя его заблужденіе, сказала: не мнѣ ты долженъ сею благодарностію. Сафиръ, котораго ты предъ собою зришь, есть благодѣтельный Геній и обладатель сихъ мѣстъ; а я другой услуги тебѣ не оказала, кромѣ той, что возбудила въ немъ сострданіе о твоемъ злополучіи. Я также, какъ и ты, должна ему жизнію, и такъ соединимъ вмѣстѣ наши благодаренія.

Выведенный изъ заблужденія Олиндъ, премѣнилъ почтеніе на нѣжность. Лидія сперва была въ подобномъ ему состояніи; благодѣянія же насъ привлекаютъ къ тѣмъ, кои ихъ получаютъ отъ насъ: впрочемъ подобіе приключеній; неизвѣстное ей движеніе; наносимая Геніемъ скука, все споспѣшествовало къ сo-

дѣланію пагубнаго союза между Лидіею и Олиндомъ.

Въ скоромъ времени ревность родившаяся въ Сафирѣ, умножила страсть двухъ младыхъ любовниковъ. Сей нѣжной Геній безпокойствами и выговорами своими сдѣлалъ Олинда несравненно любезнѣйшимъ невѣрной Лидіи; а напослѣдокъ и обоимъ имъ учинился несноснымъ. Они только тѣмъ и занимались, какъ бы его обмануть; а Сафиръ съ своей стороны напрягалъ всѣ силы, дабы проникнуть тайну, которая тревожила его благоденствіе.

Онъ подъ видомъ нуждъ вознамѣрился на нѣсколько времени отдалиться. Оказываемая имъ печаль обманула нетерпѣливую Лидію, которая думала, что онъ непремѣнно удалится, чего крайнѣ и желала. Она весьма хотѣла услышать отъ Олинда то на словахъ, въ чемъ его взоры тысячу разъ ее увѣряли.

Геній удалился; но дабы любовница его не могла скучать, учредилЪ игры, кои по его отЪѣздѣ тотчасЪ и начались; но Лидія не хотѣла при нихЪ присутствовать. ВсякЪ себѣ легко можетЪ представить, что она казалась печальною обЪ отсутствіи СафировомЪ. Любовь толь ее сдѣлала задумчивою, что она всегда почти пребывала вЪ отдаленныхЪ мѣстахЪ рощи, находящейся не подалеку отЪ дому. ВЪ одинЪ день вошедши вЪ оную, увидѣла дерновую постелю; пріятность мѣста и времени, притомЪ нѣкая неизвѣстная прелесть понудили ее лечь на оную. ОлиндЪ пришедши туда, бросается кЪ ея ногамЪ. Удивленная и смущенная Лидія притворилась, будто его не примѣчаетЪ. ОлиндЪ, ободренный смущеніемЪ Лидіи и подстрѣкаемый сильною страстію, обЪявилЪ чрезЪ нѣжные поцѣлуи признаніе, которое онЪ думалЪ изЪяснить словами, и Княжна вЪ скорости узнала, сЪ коликимЪ стремленіемЪ ободряемый

любовникъ преходимъ отъ почтенія къ дерзости.

Она призывала на помощь свою суровость, но то было тщетно; лице ея показывало нѣжность, и взоры ей измѣняли; смятеніе ея, слабое сопротивленіе, торжествующая страсть Олинда, однимъ словомъ, все соглашалось къ ея низложенію. Онъ больше ужъ не былъ у ногъ ея. Влекомый желаніями и полагающійся на щастіе, поспѣшалъ довершить свою побѣду.... Но вдругъ дернъ затрясся, деревья поколебались, Геній явился.

Взгляды предвѣщали его мщеніе: и два вѣроломные любовники, неподвижные отъ удивленія и ужаса, ожидали у ногъ его заслуженныхъ ими ударовъ. Сафиръ, готовый ихъ поразить, бросилъ глаза на неблагодарную Лидію. Безпорядокъ, въ коемъ она находилась, представилъ ему красоту ея въ полномъ блистаніи, и одинъ мигъ обезоружилъ его. Боги!

возопилъ онъ, какъ она прекрасна! Гнѣвъ уступилъ мѣсто печали, и Геній только стеналъ о своемъ злощастіи. Препроводя нѣсколько минутъ въ глубокомъ уныніи, потомъ призвавши вѣрныхъ своихъ служителей, говорилъ: подите, отнимите отъ глазъ моихъ сіи пагубные предметы. Ахъ! для чего я не могу удалить также печальныхъ движеній, которыя они произвели въ моемъ сердцѣ. Неблагодарнѣйшая Лидія, ты свершаешь нещастіе спасшаго тебѣ жизнь. А ты, невѣрной Олиндъ! если принимаешь участіе въ ея дняхъ, бѣги отъ нее навсегда.

Въ мгновеніе ока, Лидія перенесена была въ Елиду: а Олиндъ высланъ изъ дому Геніева, но трогаемый больше своею любовію, нежели угроженіями Сафира, поспѣшалъ онъ къ Княжнѣ, и сіи любовники вкусили утѣхи, которыя угрозы Сафировы, казалось сдѣлали пріятнѣйшими. Геній озлобясь ужасно на сію новую

обиду, не могъ долѣе отлагать своего мщенія. Онъ наслалъ на Елиду морскихъ разбойниковъ; и въ скорости чертоги Лидіи были окружены сими врагами. Олиндъ летитъ къ ея защищенію, любовь предводительствуетъ, и онъ считаетъ себя непобѣдимымъ. Однако Лидія видитъ его пораженна непріятельскими ударами, и такъ злощастная сія Княжна низвергнула себя въ море, почитая жизнь свою тягостною, послѣ смерти Олиндовой.

Сія повѣсть не понравилась Сильвіи, а для чего? то скрывала. По щастію ея охотничьи роги, возвѣстившіе ловлю, не допустили уподобить ее сей Исторіи. Она встала, и взявъ свое копьецо, сказала вздохнувши: ахъ! Вотъ наконецъ и ловля началась! Сказавъ сіе выходитъ; подруги ея слѣдуютъ за нею; и пастухи поспѣшаютъ также на ловлю. Аминтъ не возмогши принять сію смѣлость, съ величайшимъ прискорбіемъ

біемЪ оставилЪ рощу и водометЪ. ОнЪ не прежде пришелЪ вЪ назначенное для ловли мѣсто, какЪ тогда, когда всѣ оттуда ушли. Сей нещастной и робкой пастухЪ, казалося, опредѣленЪ былЪ никогда непользоваться случаями благопріятными для его любви; онЪ не имѣлЪ ни одного часа, или лучше, ни одной минуты: ибо любовь не требуетЪ много времени.

ТирсисЪ увидя его, возвратился назадЪ, и подошедши кЪ нему говорилЪ: ахЪ, АминтЪ! развѣ тебѣ не можно любить безЪ печали? я вкусивши пріятности взаимной любви, безЪ грусти сношу нечувствительность Яисы, а спокойствіемЪ симЪ, вЪ которомЪ ты видишь меня, долженствую Волшебнику, обитающему вЪ семЪ уединеніи. ЧрезЪ его то совѣты любовь мнѣ сдѣлалась игрушкою. Пастушки, говорилЪ мнѣ сей мудрецЪ, отЪ природы перемѣнчивы; онѣ сердятся, успокоеваются,

желаютъ, грустятъ и все почти въ одно время. Я и самъ былъ въ равномъ съ тобою состоянiи, когда не зналъ его. Я хотѣлъ оставить деревню и итти въ городъ; но вотъ, что онъ мнѣ сказалъ: Тирсисъ, все очаровано въ ономъ мѣстѣ. Тамъ мишура въ такомъ же употребленiи, какъ и золото. Жители удивительныя имѣютъ дарованiя много говорить, ничего не сказывая; тамъ стѣны понимаютъ сказуемое, и повторяютъ больше, нежели что имъ было сказано; мущины и женщины всѣ въ маскахъ; ты никого не будешь знать, но отъ всѣхъ будешь знаемъ. Жители въ волхвованiи искусны; говорятъ всѣми языками и знаютъ все, не учась ни чему: ты прiимешь ихъ обычаи и ничего не увидишь, кромѣ чертоговъ, обитаемыхъ Богами. Представь себѣ Аминтъ, имѣлъ ли я желанiя итти въ городъ? никакъ, я лучше буду жить съ пастухами, нежели съ сими Богами и Героями. Простота, наполненная удовольствiями,

совер-

совершаетъ теперь мое благополучіе. Воображеніе о щастливомъ и спокойномъ состояніи возбудило желанія Аминтовы. Ахъ любезной Тирсисъ! сказалъ онъ вздыхая, поведи меня къ Алкандру, онъ можетъ быть возвратитъ мою нечувствительность и мое благоденствіе. Они не медля пошли по дорогѣ, ведущей въ жилище Алкандрово; а Тирсисъ, дабы разогнать задумчивость Аминтову, расказалъ ему приключенія волшебниковы сими словами:

Нѣкогда Алкандръ вошелъ во храмъ Гименея: первой предметъ, представившійся глазамъ его, была утопающая въ слезахъ младая дѣвица. Она приносила Богамъ жалобы о несправедливости своихъ родителей, вознамѣрившихся отдать ее въ супружество Пазистрату, коего поступки и видъ были всѣмъ несносны; но не взирая на сіе, онъ былъ наибогатѣйшій человѣкъ изъ всего города. Мудрецъ сожалѣя о сей младой жертвѣ, чрез-

чрезвычайно тронутъ былъ ея муками; но онъ не безъ наказанія увидѣлъ сей токъ прекрасныхъ слезъ. Любовь для своей побѣды вмѣсто радостей и утѣхъ употребляетъ не рѣдко грусти и слезы. Алкандръ рѣшился разрушить обязательство любезной Гелены, обязательство, которое безъ сомнѣнія было ей ужаснѣе смерти. Онъ желалъ ей предложить одно, которое бы могло его самаго сдѣлать щастливымъ во весь остатокъ его дней. И такъ, дабы помочь утѣсняемой невинности и совершить собственное свое благополучіе, вознамѣрился онъ призвать въ помощь глубокое свое знаніе. Онъ пошелъ на вершины горъ искать нѣкоего растѣнія, коего бы сила могла его сдѣлать невидимымъ; но сія удивительная трава скрывалась весьма рачительно. Она, казалось, опасалась, что бы злобные люди не употребили ее во вредъ другимъ; и нигдѣ она не надѣялась скрыться отъ ихъ поисковъ, кромѣ Нептуновой области.

Одни

Одни Тритоны ее знали и влюбленный Алфей при помощи ея небоязненно ходилЪ кЪ нѣжной Аретузѣ. АлкандрЪ, предводительствуемый любовію, вЪ скоромЪ времени узналЪ, гдѣ ему надлежало искать сію удивительную траву. ОнЪ открылЪ себѣ путь даже до дна морскаго и обрѣтши искомое сокровище, вышелЪ изЪ нѣдрЪ водныхЪ вЪ то время, когда Аврора оставя свою колесницу, уступила мѣсто златовидному Фебу. Сей день былЪ тотЪ, который наибольше устрашалЪ Гелену (такЪ называлась прекрасная оная дѣвица;) но вЪ самую ту минуту, когда ПизистратЪ пошелЪ взять у Первосвященника благословеніе на бракЪ, безЪ сомнѣнія противный богамЪ, она была похищена, не вѣдая, должнали радоваться, что избавилась отЪ настоящаго нещастія, или опасаться новыхЪ злоключеній. Минута отдавшая любезную Гелену вЪ обьятія Алкандра, покровителя ея непорочности, учинила его виновнымЪ предЪ

нимЪ

нимъ самимъ. Онъ довольно былъ смѣлъ, чтобъ ее спасти, но боялся ей показаться; не смѣетъ возвести глазъ на ту, которую онъ избавилъ отъ угрожающаго ей нещастія. Между тѣмъ перенесъ онъ ее въ загородной свой домъ, гдѣ стараніями его ничего дотолѣ не доставало, кромѣ прекрасной Гелены. —— Она была безчувственна въ обьятіяхъ Алкандра: какая счастливая минута для робкаго любовника! Гелена пришедъ въ себя, сомнѣвалась, не сонъ ли она видитъ. И такъ я подлинно избѣгла рукъ Пизистратовыхъ, вскричала она! Алкандръ явился къ ней извиняясь, какъ униженной невольникъ, что принялъ смѣлость спасти ее безъ ея на то соизволенія; а чрезъ сіе избѣжалъ ея выговоровъ. Онъ весьма живо описалъ пороки Пизистратовы, оставляя Геленѣ дѣлать сравненіе, которое клонилось ужѐ въ его пользу. Осмѣлился открыть причину своихъ стараній, кои онъ для нее предпріялъ; но полагался болѣе на благосклон-

склонность Гелены, нежели на свою любовь, которой стремленіе моглобы ее огорчить. Наконецъ щадя ея цѣломудріе, приводилъ онъ искусно простосердечную Гелену къ одобренію его чувствованія, которымъ сама любовь благопріятствовала.

Возможно ли, сказала она, почитать преступленіемъ любовь добродѣтельнаго гражданина, которой содержитъ себя въ тѣсныхъ предѣлахъ покорности и попеченія? Сего то Алкандръ и ожидалъ, дабы воспріять свою смѣлость. Онъ хотя и не смѣлъ говорить о желаніяхъ; однако изобразилъ оныя довольно живо, дабы возбудить ихъ въ другихъ. Гелена имѣла врожденную склонность къ нѣжности; да и находятся ли сердца, которыя бы ее не имѣли? Алкандръ умѣлъ то употребить въ свою пользу; а Гелена избѣгая многихъ разсужденій, мало помалу предавалась сему пріятному стремленію: утѣхи прилетѣли къ нимъ на помощь, и

Ал-

Алкандрѣ сдѣлался несравненно любезнѣе, оставя свою робость. Гелена начала страхомѣ, а окончила любовію. Какѣ любовь пріятна для сердца, которое кромѣ ненависти ничего не чувствовало! Любезной Алкандрѣ, говорила ему Гелена, тебѣ одному я должна благополучіемѣ, коимѣ теперь наслаждаюсь! Не знавши тебя, я не знала, что можно быть щастливою, а теперь я совершенно благополучна, потому что ты меня любишь . . . . но не сонѣ ли ето? Боги! Ежели это сонѣ, то прежде нежели онѣ кончится, отнимите у меня жизнь. Алкандрѣ ободряя, ее увѣрялѣ, чтобѣ она почитала себя несравненно щастливѣе тѣхѣ, кои находятся вѣ пріятномѣ сновидѣніи. Но сильной стукѣ, которой они не чаянно услышали, прервалѣ ихѣ разговорѣ. Гелена, казалось, отѣ сего возбудилась, любовь устрашенная отѣ нее улетѣла, и она ничего подлѣ себя не нашла, кромѣ печалей и страха.

Пизи-

Пизистратъ разломавши двери, взошелъ на дворъ окруженный воинами и сопутствуемый городскимъ судьею, которой повелѣвалъ Алкандру итти предъ гражданъ для оправданія себя въ учиненномъ злодѣяніи. Алкандръ вышелъ къ нимъ съ спокойнымъ видомъ, и не прибѣгая къ могуществу своей науки, положился на правосудіе своихъ гражданъ, а всего болѣе на правоту своего сердца, и безъ малѣйшаго страха предсталъ предъ народъ. Гелена сопутствовала ему, имѣя глаза потупленныя и лице столь увѣряющее, что будто бы она совершенно была невинна.

Пизистратъ съ великимъ усиліемъ требовалъ наказанія. Гнѣвъ, овладѣвшій имъ, воспрепятствовалъ ему скрыть свои пороки, и уподоблялъ его звѣрю или неистовому человѣку. Сей извергъ поступалъ столь же худо съ своею любовницею, какъ и съ своимъ соперникомъ; произносилъ богохульства и внушалъ народу

 же-

жестокой приговорЪ долженствовавшій произнестися надЪ АлкандромЪ. СимЪ образомЪ онЪ привелЪ себѣ вЪ озлобленіе всѣхЪ судей. НапротивЪ того АлкандрЪ, занятЪ будучи щастіемЪ гражданки, показывалЪ невинность во всѣхЪ своихЪ движеніяхЪ, чрезЪ что каждаго изЪ своихЪ судей привлекЪ на свою сторону. ОнЪ признавшись вЪ похищеніи, которымЪ его обвиняли, требовалЪ себѣ за то наказанія. Но Гелена не возмогши противиться своей любви, вскричала: ахЪ! если кого должно наказать, то накажите меня, и пощадите Алкандра на щетЪ дней моихЪ; я не могу терпѣть Пизистрата. . . вздохи прервали ея голосЪ, но слезы за нее говорили.

НародЪ весма былЪ тронутЪ симЪ зрѣлищемЪ. ВЪ сію благопріятную минуту отецЪ и мать Гелены продравшись сквозь народЪ, пришли просить судей вЪ пользу своей дочери. ПизистратЪ почувствовавЪ тогда свою погибель, и не зная дру-

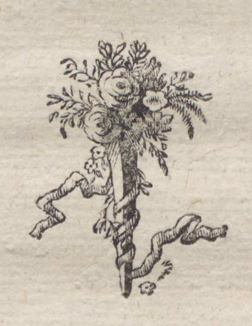
гихЪ

гихъ судей, кромѣ гнѣва и мщенія, бросился на Алкандра, которой для спасенія своей жизни, довольствовался только отнятіемъ у него меча; но Пизистратъ, водимый праведными Богами, кинулся съ яростію на своего соперника, и пронзилъ себя собственнымъ своимъ оружіемъ. Тогда Алкандръ учинился невинною причиною смерти гражданина, за котораго родственники требовали наказанія. Судіи простили Гелену являя, что прощали также и Алкандра; но для спокойствія родственниковъ и души умершаго Пизистрата, осудили его на изгнаніе, которое въ скоромъ времени кончится.

Мудрецъ мало чувствительный къ сей несправедливости, сносилъ бы безъ прискорбія свою участь, еслибъ не былъ отдаленъ отъ Гелены; но

мученіе быть вЪ разлукѢ сЪ сею нѢжною и обожающею его любовницею, кажется ему таковымЪ же, каковое ты теперь чувствуешь, думая, что тебя Сильвія презираетЪ, которую ты можешь видѢть всякую минуту.

Конецъ первой части.

Частъ вторая.

Въ нѣкоторой пріятной долинѣ густыя древеса дѣлаютъ тѣнь и самыми жестокими жарами непроницаемую. Въ семъ прелестномъ уединеніи возвышается холмъ, которой тысяча кустарниковъ покрываютъ своею зеленостію. Всѣ птицы вблизи находящіяся прилетаютъ туда искать себѣ безопаснаго убѣжища. Кристалловидный источникъ омывая подошву сего холма, производитъ во многихъ мѣстахъ цвѣты, на которыхъ Нимфы частыя имѣютъ игры; и любопытный источникъ обтекая многократно холмъ, возвращается на прежніе слѣды, дабы быть свидѣтелемъ ихъ игръ. Въ семъ мѣстѣ обитаетъ Алкандръ, провождая дни свои въ непрестанномъ желаніи паки увидѣть свою Гелену.

Аминтъ не больше былъ чувствителенъ къ пріятностямъ счастливаго сего пребыванія, какъ и Алкандръ. Онъ не видѣлъ ни источника, ни тѣни, и не слышалъ пріятнаго пѣнія птицъ: брося неспокойной взглядъ около себя, примѣтилъ онъ Алкандра, и поспѣшалъ къ нему на встрѣчу. По тоскѣ его и унынію волшебникъ узналъ, что онъ любилъ и былъ нещастливъ, въ чемъ нимало не обманулся. Пастухъ открылъ ему свое сердце вздыхая и обвиняя Сильвію. Они жаловались вмѣстѣ на божка, который равно приноситъ какъ утѣхи такъ и мученія, не получая себѣ нималой благодарности.

Я былъ столь молодъ, (говорилъ Аминтъ примѣтя, что Алкандръ его слушалъ) что не могъ сорвать плодовъ съ деревъ родительскаго сада, какъ я началъ любить Сильвію. Мы жили въ одной деревнѣ, забавы наши были однѣ и пе-

печали были общія; я не зналЪ другаго щастія, кромѣ дружбы, но сіе чувствованіе удобно премѣняется вЪ любовь. КакЪ скоро проходитЪ спокойное состояніе невѣжества и щастія! Оно разсыпается и исчезаетЪ какЪ слабое облако отЪ восхода Авроры. Я чувствовалЪ вЪ сердцѣ моемЪ движенія, которыхЪ сперва вЪ себѣ не находилЪ; и не доумѣвался, отЪ чего они произошли. Они походили на сіи цвѣты, которые безЪ сѣянія роступЪ на нашихЪ лугахЪ.

Нѣкогда увидѣлЪ я во снѣ младенца, котораго видЪ былЪ насмѣшливый и повелительный. ОнЪ, казалось, презирая прочихЪ пастуховЪ, подошелЪ ко мнѣ: я его взялЪ на руки. СтанемЪ играть вмѣстѣ, сказалЪ онЪ мнѣ; но измѣнникЪ играя поранилЪ меня, засмѣялся и улетѣлЪ. СЪ того времени пожелалЪ я добра, которое совсѣмЪ мнѣ неизвѣстно было. Я учинился печальнымЪ, задумчивымЪ и увѣрился, что быть вмѣстѣ сЪ Сильвіею было то благо, котораго я повсюду, гдѣ

 она

она не была тщетно искалъ. Я побѣжалъ къ Сильвіи, и какую возчувствовалъ радость увидя ее! Но въ семъ не нашелъ я совершеннаго удовольствія. Если я къ ней приближался, то чувствовалъ въ себѣ смятеніе; еслижь былъ отъ нея удаленъ, то умиралъ отъ скуки. Я смущался при ней, а безъ нея приходилъ въ уныніе; я ее убѣгалъ, дабы быть спокойнѣе, но вскорости принужденъ бывалъ опять ее искать.

Въ одинъ день сидѣлъ я съ Сильвіею, и пастушкою Филисою у куста, обремененнаго цвѣтами, пчела летающая около онаго, приближась къ щекѣ Филисиной, ужалила ее. Пастушка испускаетъ вопль, а пчела улетаетъ. Не бойся ничего, любезная моя Филиса! сказала ей Сильвія, я знаю таинство, которое тотчасъ изцѣлитъ твою рану. Оно мнѣ стоитъ прекраснаго моего лука, здѣланнаго изъ слоновой кости. Сказавъ сіе приближаетъ она свои уста къ

щекѣ

щекѣ Филисы; потомъ проговоривъ нѣсколько таинственныхъ словъ, цѣлуетъ ее, и въ тужъ самую минуту чрезъ силу ея словъ или лучше чрезъ прелесть божественныхъ ея устъ, могущихъ все цѣлить, къ чему она ими ни прикоснется, Филиса больше не чувствовала своей боли.

Я до того времени еще не могъ распознать чувствованій моего сердца; но въ сію минуту узналъ ихъ совершенно. Любовь мнѣ внушила невинную хитрость. Я притворился, что будто и меня пчела укусила, и изъявлялъ боль, которой я нимало не чувствовалъ. Я взиралъ нѣжно на Сильвію; глаза мои просили ея помощи. Тронутая моими стенаніями восхотѣла она мнѣ помочь. Я ей протянулъ свои губы, а она приложила къ нимъ свои. Тогда жарчѣе бабочки и пчелы, лобзающихъ первые весенніе цвѣты, я сорвалъ поцѣлуй; просилъ другаго, и умножалъ свою болѣзнь, дабы продлить сіи сладчайшія утѣхи.

Но увы! желая излѣчить мнимую мою болѣзнь, Сильвія больше растворила сердечную мою рану. Смятеніе мое умножилось, а желаніе стало сильнѣе. Я до того времени обожалъ одни токмо прекрасныя очи Сильвіи; но любовь, дабы усугубить мои мученія, представила мнѣ другіе предметы. Я примѣтилъ безчисленныя прелести, которыя меня еще не поражали, и вооображеніемъ своимъ еще касался другихъ; я объ нихъ думалъ безпрестанно, и не оставлялъ какъ только съ смертельною печалію, сіи пріятныя размышленія, которые льстили моей тоскѣ и питали мою любовь.

Дабы удобнѣе наслаждаться сими любезными воображеніями, я ходилъ по сосѣдственнымъ лѣсамъ, и опасаясь, чтобъ кто не прервалъ моихъ мыслей, искалъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Въ одинъ день я заблудился. Перешедши весьма трудную дорогу изумился я, увидя себя подлѣ великолѣпнаго храма, котораго

я

я еще ни однажды не примѣтилъ. Наддверіе онаго было украшено вѣнками изъ цвѣтовъ, а при входѣ во храмъ виденъ былъ младенецъ, которой казался весьма углубленымъ въ писаніи стрѣлою на гладкомъ мраморѣ. Я немедленно узналъ, что онъ былъ тотъ, самой котораго я видѣлъ во снѣ; и приближась, читалъ сіи слова: *я поражаю, но изцѣляю.* Не много пониже было написано: *Се храмъ любви! Бѣгите нечестивые, бѣгите нечувствительные!* Тогда мои глаза открылись, и я почувствовалъ, что сердце мое было исполнено симъ Богомъ: двери отворились, и я ничего не опасаясь, пошелъ во храмъ.

Вступивши въ оной, увидѣлъ я предъ собою незнаемаго мнѣ человѣка, которой былъ покрытъ непроницаемымъ покровомъ; видъ его налагалъ почтеніе. Я есмь Таинство, рекъ онъ; и показывалъ себя стрегущимъ входъ храма.

Нимфы

Нимфы увѣнчанныя цвѣтами и облеченныя въ столь тонкую одежду, что казалось, будто она ежеминутно изчезала, плясали около меня. Предъ ними шествовала Богиня, коей радостный видъ разогналъ мои грусти.

За надеждою всегда слѣдуютъ желанія. Я увидѣлъ утѣхи, но они были отъ меня отдалены. Нетерпѣливость, исполненная волненія, окружала меня. Страхъ имѣя печальные взгляды, стремился ко мнѣ; а надежда удалилася.

Я искалъ божка, но не можно было его видѣть; его чувствуютъ чрезъ одни токмо движенія, которыя онъ производитъ. Живописцы разумно представляютъ его подъ бесчисленными видами, поелику онъ столь перемѣнчивъ, что никогда не является два раза въ одномъ образѣ.

Иногда онъ скованный, лобызаетъ ноги простой пастушки; а иногда

иногда повелѣваетъ Царями, покаряетъ небо и наполняетъ собою всю вселенную.

Онъ здѣсь подобенъ слабому младенцу: рѣзвится, прячется подъ лилеи и розы, принимаетъ для безопасности своей взгляды нѣжной красавицы; устрояетъ себѣ убѣжище посредѣ нѣжныхъ своихъ ланитъ и тамо царствуетъ со смѣхами и прiятностями, которыя онъ раздѣляетъ и располагаетъ; первыя на розовыхъ губахъ, а другiя на алебастровой груди: и на сихъ то олтаряхъ любитъ онъ быти обожаемъ.

Я простеръ къ нему свои моленiя, которыхъ какъ, ты можешь догадаться, Сильвiя была предметомъ, ибо онъ не хотѣлъ другихъ отъ меня принимать: но незапной звукъ охотничьихъ роговъ поразилъ мой слухъ. Я вышедъ изъ храма, увидѣлъ Сильвiю и приближился къ ней съ трепетомъ; ибо представилось мнѣ, что

зрѣлъ

зрѣлъ я предъ собою суровую Діану. Я ободрился было во время ея отсутствія, но увидя ее никогда столь робкимъ не бывалъ, и будучи въ такомъ смятеніи вскричалъ: о Любовь! для чего ты обогатила Сильвію своими дарами, сію, которая презираетъ твое божество? Ты излила на нее свои благодѣянія; и тщишся доставить ей утѣхи; но неблагодарная презираетъ твою власть и милость.

О какомъ божествѣ и какихъ утѣхахъ говоришь ты Аминтъ, сказала Сильвія покраснѣвъ, и что ето за храмъ? . . Ахъ! (отвѣчалъ я,) поди. . . поди со мною, возблагодаримъ божество, учинившее тебя прекраснѣйшею изъ Нимфъ, а меня страстнѣйшимъ изъ пастуховъ. Нѣтъ, предпріяла она, сей Богъ есть непріятель цѣломудренной Богини и безчеловѣчной мучитель смертныхъ. Онъ ничего не приноситъ кромѣ бѣдствій; и тѣмъ только занимается

мается, какъ бы обманывать робкихъ Нимфъ.

Дождь, градъ и жестокіе вѣтры поколебали лѣсъ, и явно показали мщеніе сего Бога: Сильвія по неволѣ принуждена была войти во храмъ. Я ей тамъ показывалъ торжествованія любви, и примѣтилъ, что она смущаясь при видѣ сихъ картинъ, являла въ себѣ сильное волненіе. Любовь приняла мою сторону; но Діана противилась ея побѣдѣ; напослѣдокъ предпріяла совсѣмъ ее разрушить. Сильвія, стыдяся быть со мною наединѣ, хотѣла было убѣжать изъ храма, но громовой ударъ повергъ ее безчувственну въ мои обьятія.

Боги! колихихъ слезъ и вздоховъ стоила мнѣ сія благопріятная минута. Подлинно что я заплатилъ за сію одну минуту удовольствія многими годами грустей и мученій.

Уже

Уже премногія истощилъ лобзанія, дабы привесть въ чувство Сильвію; но оживотворяя ее, я самого себя не чувствовалъ. Въ семъ изступленіи открылъ ея покрывало. Тогда приключеніе мое чрезъ силу божественную изображалось на одномъ изъ столповъ храма. Нѣжныя и сладострастныя утѣхи приближась, беспорядочно летѣли ужъ въ великомъ множествѣ, чтобъ довершить свое намѣреніе, а мое щастіе; какъ завистливая Діана прервала обморокъ Сильвіи. Пастушка открыла глаза, и взгляды ея повергли меня къ ея стопамъ.

Я узналъ преступленіе, которое любовь было совершить меня побудила, но ужъ поздо. Любовь мною такъ овладѣла, что дерзнулъ я просить у Сильвіи прощенія. Сильвія, жестокая Сильвія! презирая мою печаль, отвергла мое раскаяніе, и съ величайшимъ гнѣвомъ удалилась: пріими (сказала она брося въ меня свое копье)

копье) пріими возмездіе за твою дерзость.

Я избѣжалъ ея ударовъ: но увы! сіе лишь послужило къ моему нещастію; жестокосердая Діана осудила меня на вѣчное мученіе. Храмъ изчезъ; но отчаяніе мое никогда меня не оставитъ.

Пагубная благопристойность! сказалъ Алкандръ, ты противостоишь нашимъ утѣхамъ? такъ, ты научаешь пастушекъ быть жестокими и суровыми. Владѣніе твое въ прежнія времена не было знаемо благополучнымъ смертнымъ. Сама природа впечатлѣвала въ ихъ сердцахъ съ добродѣтелію сей удобной къ исполненію законъ! *что памъ угодно, то и позполительно.* Купидоны обезоруженные предшествовали пляскамъ, совершаемымъ пастушками. Нимфы и пастухи играли вмѣстѣ; цѣловались нѣжно и сладостно, какъ они сами знали, не краснѣя. А въ ны-

нынѣшнее время награжденія любовныя бываютъ тайныя. Взгляды принужденныя, хотя и меньше желаютъ, но бываютъ больше виновны, и . . Но вдругъ стенанія потревожили спокойствіе, господствовавшее въ жилищѣ Алкандровомъ. Онъ встаетъ, Аминтъ и Тирсисъ послѣдуютъ его примѣру. Они услышавъ нѣкоторой гласъ, стремятся къ оному, и вскорѣ примѣчаютъ въ отдаленномъ мѣстѣ Сатира, также стенящаго о своихъ мученіяхъ.

Это нѣкоторое утѣшеніе для нещастныхъ, а особливо для любовниковъ, что не одни они стенаютъ о своихъ мученіяхъ. Они слушали, а Сатиръ не могши ихъ примѣтить, продолжалъ такимъ образомъ:

. . . Но . . . должно ли удивляться, что пчела причинила столь чувствительную болѣзнь малымъ своимъ жаломъ; когда любовь будучи еще менѣе пчелы дѣлаетъ бо́льшую язву, не-

нежели она. Любовь скрывается въ самыя малѣйшія предѣлы. Въ рѣсницахъ, въ кудряхъ, въ сихъ маленькихъ ямкахъ, производимыхъ пріятною усмѣшкою на нѣжныхъ ланитахъ моей пастушки. Увы! изъ сихъ то мѣстъ она мещетъ стрѣлы, коихъ не можно избѣжать. Но для чего ты презираешъ меня, неблагодарная пастушка? или ты мыслишь что любовь, которая тебя никогда не оставляетъ, сохранитъ тебя? Когда тебѣ приношу избранные цвѣты, ты ихъ презираешь, говоря дерзновенно: природа снабдила меня лучшими цвѣтами. Я приношу тебѣ самаго себя, я отдаюсь тебѣ; для чего же ты смѣешся сему приношенію? Въ одинъ день, когда вѣтры укротили свои дыханія, море было тихо, я увидѣлъ себя въ водахъ: сей смуглой видъ, сіе лице мужественное, сіи густыя брови, сіи ноги нарочно сдѣланныя, дабы соединять съ скоростію крѣпость, достойны показались мнѣ твоей красоты.

Думаешь ли, что уступаю я въ красотѣ симъ младымъ пастухамъ, коихъ власы ежедневно съ раченіемъ убраны бываютъ, кои украшаютъ себя лентами, и кои истаевая подлѣ тебя, позлащаютъ въ твою угодность свои стрѣлы? Всѣ ихъ достоинства ограничиваются въ раболѣпныхъ вздохахъ, въ воздержаніи чрезъ ихъ угожденіе твоихъ недостатковъ и твоей гордости. Я имъ никогда не послѣдую. Я нещастливъ! но нещастіе сіе вскорѣ прекратится. Каждый долженъ употреблять то оружіе, которымъ природа его наградила. Не знаю я раболѣпства, ни вздоховъ. Когда Нимфы поражаютъ меня своими прелестями, то я употреблю для защищенія своего силу. Кончивъ сіе, побѣжалъ онъ на подобіе стрѣлы. Аминтъ поблѣднѣлъ и затрясся. Алкандръ! сказалъ онъ, послѣдуемъ за Сатиромъ. Одна Сильвія можетъ ему вперить любовь столь горячую. Но мы не поспѣемъ воспрепятствовать его насилію, къ

ко-

которому онъ себя предъуготовляетъ.

Коль жалки любовники! они ничего такого не видятъ, что бы имъ не внушало подозрѣнія и страха. Алкандръ употребилъ свою науку, дабы услужить нетерпѣливому Аминту. Колесница явилась. Пастухъ взошелъ на нее; и Волшебнику угодно было, что бы покровъ скрылъ его отъ очей смертныхъ. Незапно одно изъ облаковъ, кои при восхожденіи солнечномъ блистаютъ многоразличными цвѣтами, отторгается отъ краевъ горизонта, и Зефиры соединясь въ великомъ множествѣ, подхватили Аминта и мчали его по стезямъ Сатира.

Колесница летѣла съ великою скоростію, но имѣютъ ли желанія что нибудь равное себѣ въ скорости. Одно мгновеніе приближаетъ его къ Сатиру. Тогда вопли пронзающіе, поразили его слухъ. Аминтъ узна-

етъ голосъ своей пастушки. Какое мученіе! какое беспокойство! его подозрѣнія были весьма справедливы. Сильвія была привязана къ нѣкоторому дереву, а Сатиръ, которой казался быть снѣдаемъ всѣми огнями любви, поспѣшалъ къ весьма наглымъ дѣйствіямъ. Но раздраженной пастухъ бросаетъ свое копье, поражаетъ Сатира, и обращаетъ его въ бѣгство.

Чудовище уноситъ съ собою копье Аминтово и стрѣлу, которою любовь его поразила: но сколь неизцѣльнѣе послѣдняя рана первой.

Побѣдоносной Аминтъ повергъ себя къ ногамъ Сильвіи. Любовь неудовольствованная всегда бываетъ робка и почтительна. Онъ едиными взорами изъявлялъ ей свою горячность, свои желанія и свою робость: желалъ, но не смѣлъ говорить.

Отъ тебя единаго, Купидонъ! научаются любить, ты даешь по своему

своему соизволенію сіе трогающее витійство, которое одно токмо имѣетъ силу убѣжденія. Безпорядочный разговоръ, прерывающіяся слова, вздохи, взгляды: вотъ языкъ сердца! Онъ сильнѣе впечатлѣвается, нежели хитросплетенная рѣчь. Въ нѣжномъ любовникѣ самое молчаніе проситъ и требуетъ того, чего онъ говоря не смѣетъ желать.

Между тѣмъ пастухъ наслаждался у ногъ Сильвіи щастіемъ, которымъ онъ обязанъ былъ своему сопернику. Сатиръ похитилъ одежду противившуюся его желаніямъ. Аминтъ смотрѣлъ жаднымъ окомъ на красы, которыя щастіе, во зло Сильвіи, предало въ его власть.

Пастушка потупила глаза: она наклоня голову старалась закрыть часть своей груди; но чувствительное и прерывающееся дыханіе придало новую прелесть ея подобной алебастру груди. Она то примѣтя

 по-

покраснѣла, а пастухъ увидѣлъ, что сіи черты цѣломудрія Сильвіи распространясь по всему тѣлу, паче ея украсили.

Онъ приближился, чтобъ прервать узы ее связывавшіе, и находяся внѣ себя, колебался; руки его дрожащіе принужденно опирались на Сильвію, плачущую отъ стыда и гордости. Жестокая! сказалъ онъ прерывающимся голосомъ, можешь ли вмѣнять въ преступленіе то благополучіе, которое мнѣ нечаянность доставляетъ: Сильвія ничего не отвѣчала. Она хотѣла еще больше наклониться; но запутанные волосы ей въ томъ препятствовали, и казалось благопріятствовали Аминту.

Между тѣмъ Аминтъ разпуталъ ея свѣтлорусыя косы Можно было примѣтить изъ глазъ пастуховыхъ его желаніе, и страхъ, дабы не прогнѣвать Сильвію; руки его противились тому, чего онъ хотѣлъ;

лице

лице его было въ огнѣ. Онъ не хотѣлъ ея отвязать, а желалъ ея видѣть изумленною и стыдящеюся.

Наконецъ развязалъ ей руки, и осмѣлился въ награду поцѣловать ее. Тогда жестокая пастушка повелительно вскричала: пастухъ! не прикасайся ко мнѣ отнюдь, я посвящена Діанѣ. Мгновенно разорвала она то, что еще ее удерживало, и пустившись въ бѣгство, удалилась на подобіе быстрой Лани.

Аминтъ сожалѣлъ, что не пользовался щастіемъ, которое, говорилъ онъ, случай ему ниспослалъ; но въ томъ обманывался, потому что это не случай былъ. Одинъ Купидонъ всѣ сіи приключенія распоряжалъ. Онъ хотѣлъ тронуть Сильвію почтеніемъ, и желалъ ободрить Аминта; но не имѣлъ въ томъ успѣха. Робкой и неискусившійся Аминтъ упустилъ Случай, которой ищетъ всегда удалиться; а Сильвія

отъ того учинилась еще жесточае. Раздраженный Купидонъ удалился на нѣсколько минутъ, а нещастный пастухъ предался во власть грусти и отчаянія: утѣшеніе неполезное, но весьма обыкновенное тѣмъ, коихъ печаль угнѣтаетъ.

Конецъ второй части.

Часть третія.

Въ мрачной пещерѣ острова Лемноса, есть темное мѣсто, въ которомъ хромой Вулканъ, помраченный дымомъ и имѣя чело орошенное потомъ, куетъ Богамъ различныя оружія.

Въ сіе то мѣсто летитъ Купидонъ. Онъ входитъ туда съ величественнымъ видомъ, дабы выбрать стрѣлу, которая бы могла поразить сердце Сильвіи. Повелитель Циклоповъ усмѣхнулся, видя лѣтающаго около себя Бога, коимъ бы онъ долженъ былъ гнушаться, еслибъ вспомнилъ о Марсѣ и Адонисѣ.

Онъ простираетъ свои грубыя и жиловатыя руки, и не разсуждая, будутъ ли пріятны его лобзанія

нѣж-

нѣжнымъ щекамъ любезнаго младенца Циттеры, объемлетъ его. Купидонъ обремененный отеческими ласками, расправляетъ его растрепанные волосы, и дабы не очернить своей одежды, отираетъ самымъ запономъ Вулкановымъ, потъ текущій по его морщинамъ и орошающій его лице.

Отче! говорилъ онъ, мнѣ потребна стрѣла съ преострымъ концемъ: я раздраженъ. Превзойди самъ себя въ своемъ искусствѣ. Я покаряюсь твоимъ повелѣніямъ, и умножу моими крыльями пламень твоихъ горнилъ. Вулканъ въ то время ковалъ щитъ Минервѣ, но выслушавъ Купидона, оставилъ сію почтенную работу. Не должна ли иногда мудрость уступить своенравіямъ любви?

Богъ Лемноса нимало не медлитъ. Онъ избралъ самую лучшую плиту; а Купидонъ внемля всему, изливаетъ наконецъ оной пріятную жидкость, которой дѣйствіе всѣмъ извѣстно. Онъ дѣ-

дѣлаетъ изъ сего желѣза легкую стрѣлу и втыкаетъ на конецъ оной два пера, вырванныя изъ его крыльевъ: поднявшись на воздухъ не токмо не воздалъ онъ благодарности Вулкану; но и привелъ все въ безпорядокъ въ его пещерѣ.

Мрачные и загорѣлые чудовища, сказалъ онъ, коль мало разительны ваши удары! Отъ меня то вы должны научаться поражать. А ты, Вулканъ! Что можешь учинить своими огнями? Купидонъ увидѣлъ въ сію минуту Перунъ Юпитеровъ, и взявъ забавлялся имъ. Боже Олимпа! ты низлагаешь горы; я поражаю сердца; ты заставляешь смертныхъ себя бояться, а я принуждаю ихъ взаимно любиться.

Посмотримъ, (сказалъ онъ еще) могутъ ли быть оружія непроницательны Бога брани, и съ словомъ симъ прострѣлилъ однимъ разомъ щитъ и латы Марсовы. Вулканъ! у тебя

нѣтъ

нѣтъ ничего, чтобы могло мнѣ противиться. По сихъ словахъ улетаетъ, и предпринимаетъ путь къ Аркадской деревнѣ.

Прилетѣвъ туда ищетъ Сильвію. Шумъ многочисленнаго народа поразилъ его слухъ. Онъ видитъ собравшуюся всю деревню въ одномъ лугу, которой ограждается со всѣхъ сторонъ лѣсомъ Діаны. Все тамъ приготовлено было для игръ и для жертвоприношенія, долженствовавшаго окончить торжество непорочной Богиии. Первосвященникъ держа священной ножъ, былъ въ готовности поразить бѣлую юницу. Пастухи внимательно устремили глаза на жертвенникъ; а пастушки терявшіе въ сію минуту взоры и старанія, нетерпѣливо ожидали конца жертвоприношенію, дабы воспріять свои права.

Между тѣмъ нѣкоторой пастухъ пришедъ въ собраніе просилъ, чтобъ его выслушали. Вдругъ востаетъ смятеніе; торжество прерывается

вается: каждой любопытствуя приближается его слушать.

Я былъ (говоритъ онъ) свидѣтелемъ жестокаго нещастія. Проходя мимо каменной горы, покрывающей пещеру Авроры, поспѣшалъ я соединить мои обѣты съ вашими. Аминтъ былъ на вершинѣ оной горы. Филенъ! (сказалъ онъ мнѣ) Сильвія погибла, и я въ томъ не сомнѣваюсь: ибо я нашелъ ея одежду обагренную кровію. Увы! не взирая на ея жестокость, не могу я жить послѣ ее, и по сихъ словахъ низвергнулся съ вершины горы. Поспѣшимъ помочь, ежели есть еще время.

Сею вѣстію смятенная Сильвія, въ первой разъ почувствовала возмущеніе спокойствія, господствовавшаго въ ея сердцѣ. Всѣ пастухи обратили на нее свои очи; и каждаго взглядъ казался ей укоризною, отъ чего она приведена была въ вящшее замѣшательство и смущеніе. Воспо-

поминовенiе прiятной дружбы, соединявшей ее нѣкогда съ Аминтомъ, извлекло изъ очей ея слезы. А неблагодарность исполнила ея сердце угрызенiями.

Купидонъ, видя ее смягчившуюся, взмахнулъ крылами и поднявшись съ побѣдительнымъ видомъ рекъ: вотъ время моего торжества! Нещастной пастухъ! Сiя стрѣла совершитъ твое благополучiе и мое мщенiе. Въ скорости бросаетъ пагубную стрѣлу: она летитъ, и ничто не можетъ удержать ея въ стремительномъ полетѣ, поражаетъ и сама Дiана не можетъ отвратить ея удара.

Сильвiя почувствовала пораженiе, вздохнула не вѣдая, сколь глубока сiя рана. Какъ, (сказала она) я причиною смерти пастуха, которому я обязана и честiю и жизнiю? . . . и не могши болѣе продолжать, побѣжала со всею деревнею къ пещерѣ. Въ скоромъ времени предварила

рила она всѣхъ пастуховъ. Самъ Купидонъ летѣвшій съ чрезмѣрною скоростію не могъ ее предускорить,

Между тѣмъ Аминтъ искалъ на брегахъ Ахерона жестокую свою пастушку. Онъ сожалѣлъ, что не скоро за нею слѣдовалъ, и заблуждаясь у всякой тѣни спрашивалъ: *гдѣ Сильвія?*

Въ сію минуту удерживаетъ его нѣкоторая неизвѣстная сила; никогда онъ не ощущалъ равной сему пріятности: влекомый ею возвращается назадъ. Тщетно Харонъ его призываетъ. Ласки Сильвіи гораздо дѣйствительнѣе угрозъ сребролюбиваго перевозчика. Восхищенія нѣжной пастушки возводятъ отъ Паркъ его побѣдоноснымъ. Онъ открываетъ вѣжди; зритъ предъ собою Сильвію, и не желаетъ больше ея оставить. Но она, она, казалось хотѣла его оживотворить, и обнимая его съ горячностію, говорила: ты мнѣ

неоднократно вѣщалъ, что я могу дать тебѣ жизнь, восприможъ ее, или я сама раздѣлю смерть, которая меня соединитъ съ тобою.

Аминтъ внемля словамъ ея, повиновался; онъ искалъ своей души на устахъ Сильвіи, и нашелъ ее смѣшанную съ ея душею. Въ сей часъ они оживотворили другъ друга. Мудрый Алкандръ притекъ на помощь Аминту. Любовь ему предшествовала. Онъ сихъ щастливыхъ любовниковъ покрылъ облакомъ, дабы они во всей природѣ, кромѣ себя никого не видѣли.

Возможно ли изобразить ихъ восхищенія! Сіи нѣжные любовники хотя ничего не говорили: однако понимая другъ друга, отвѣчали себѣ взаимно. Они видѣли въ своихъ сердцахъ движенія, коими были волнуемы. Но сіи движенія ничто иное были, какъ скорыя выраженія ихъ любви и щастія. . . . Но какъ изъяснить то, что едва можно понимать?

Аминтъ увѣдалъ, (когда ему восхищенія его то позволили) что найденная имъ одежда была та, которую похитилъ Сатиръ, дабы ею остановить текущую изъ раны его кровь. Онъ узналъ еще къ вящшему своему благополучію, что Гелена возвратила свою благосклонность Алкандру. Мудрый волшебникъ настоялъ, дабы бракъ ихъ совершился въ прелестномъ его жилищѣ. Подчиненные ему духи употребили все свое искусство дабы сдѣлать оное великолѣпнѣйшимъ; но Любовь и Утѣхи утвержденныя сими щастливыми любовниками, несравненно больше оное украсили.

КОНЕЦЪ.

